

научный электронный журнал

Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные

исследования
<https://stnb.petrso.ru>

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

<http://petrsu.ru>

УДК 116.6; 130.31; 316.3

ЧЕЛОВЕК И ЕГО «ПОДВИЖНАЯ» ИДЕНТИЧНОСТЬ: ИСЛАНДСКОЕ ОБЩЕСТВО В «САГЕ О ГРЕТТИРЕ»

**МИСЮРОВ
НИКОЛАЙ
НИКОЛАЕВИЧ**

*доктор философских наук,
профессор кафедры журналистики и
медиалингвистики,
Омский государственный университет им. Ф. М.
Достоевского, кафедра журналистики и
медиалингвистики,
Омск, Российская Федерация, misiurovnn@omsu.ru*

Ключевые слова:

органическое единство общества
единичный индивид
подвижная идентичность
героический нарратив

Аннотация:

Исландское общество «времени саг» – своеобразный исторический феномен, социологические исследования уникальности которого дают достаточные основания для выводов типологического характера. Эмпирический материал наблюдений – «Сага о Греттире», литературный памятник, фиксирующий определенные изменения в традиционной социальной структуре «федерации хуторов» эпохи заселения Исландии (в связи с принятием христианства в Норвегии и вытеснением «пассионарных» одиночек и профессиональных групп, придерживавшихся «традиции», за пределы складывающегося унитарного национального государства). Продуктивен в теоретическом и практическом плане анализ ярко выраженной индивидуальности, акцентированной героическим нарративом биографии знаменитого «драчуна», нонконформиста, закончившего жизнь изгоем, в контексте проблемы взаимодействия индивида и социума. Утверждается, что «референция» общественной структуры с различными типами связей (затронутые имущественным расслоением общинные и «корпоративные», сообщества викингов, китобоев, купцов) зависит не столько от способа «репрезентации», не столь важно, объективно или же субъективно трактуемых фактов и событий, сколько от выбора эффективных «дескрипций»; методологический аспект имеет первостепенное значение. Констатируется, что сочетание все еще сохранявшихся элементов архаики и элементов модернизированной «новой реальности» обусловило специфическую «подвижную» идентичность, этническую и социальную. Делается вывод о том, что эволюция исландских социальных общностей фактически означала перманентное и неотвратимое «сущностное» изменение базового принципа «коллективизма» (от со-лидарности – к конкуренции); решающим фактором оказывается жизненный потенциал личности. В этом ракурсе осмысленная судьба отдельно взятого человека становится проекцией судьбы народной.

© 2026 Петрозаводский государственный университет

Получена: 28 февраля 2026 года

Опубликована: 30 марта 2026 года

Введение. Человек в исторической среде

Человек – «изначальный факт всякой истории» – составляет предмет биографии, которая, по словам В. Дильтея, является «наиболее философской» формой объективного исторического изображения; в описываемом неповторимом единичном отражается «всеобщий закон развития» [6: 255]. Жанровая литературная форма переосмысления некоторого жизненного материала определена мировосприятием и эстетической парадигмой. Обобщения социологического и психологического характера создают основу «усовершенствованного», по определению Г. Зиммеля, образа индивидуальности, служащего схемой, в которую привносятся те или иные черты и действия реальной личности. В каждом отдельно взятом человеке индивидуальное и социальное содержатся «в неизменной пропорции», меняющей только форму такого синкретизма; дифференциация и индивидуализация ослабляют многообразные связи индивида с «ближним кругом», расширение социальной группы способствует развитию индивидуальности; первоначальные различия между индивидами обостряются вследствие насущной потребности добывать все необходимые средства к жизни, борьба ведется «все более своеобразными способами»; конкуренция создает «особенность» индивида [8: 52-55]. Взаимосвязь человека и коллектива «других» индивидуумов – фактор устойчивости исследуемых общественных феноменов.

Цель работы – выявить и описать «модифицированное» бытие потенциально обладающей безграничными возможностями индивидуальности, едва только преодолевающей свою «одинаковость», обусловленную исторической средой, сохраняющейся взаимосвязью с характерными для дифференцирующегося «закрытого» общества социальными общностями («единением с группой»). Учтем два принципиальных момента: с одной стороны, «не поддающиеся рационализации» мотивирующие индивидуума понятия (вроде концептов «чувство родины», «утрата пути») вполне случайны [7: 92-93], с другой стороны – неоспорима объективность национального самосознания (народ – не «конструкция в чистом виде», но исторически подвижная форма с изменчивыми границами), ибо «ничто не кажется более очевидным, чем национальная идентичность» [1: 91].

Специфика объекта исследования определена тем, что социальные системы, являющиеся не «какой-то сущностью», сколько «системами сознания», описываемые обычно в традиционной линейной прогрессии прошлого, настоящего и будущего, обретают кратковременную стабильность в динамике своего становления и последующего развития. Ушедшие в небытие «первородные» элементы замещаются другими, новыми и соотнесенными с определенными моментами времени «актуальными» элементами, затем распадающимися под воздействием исторических обстоятельств. Принципиально различие социальной системы, имеющей свои отчетливые границы (это ее форма, «вид и конкретность тех операций системы, которые ее индивидуализируют») и освоенного, при том далеко не всегда «окультуренного» данным коллективом, жизненного пространства [9: 53, 78].

Методологию определим одним подходящим рассуждением Г. Зиммеля: наши представления в области знания определены «целесообразностью жизни», однако точность, смысл и направленность их «может оставаться под вопросом»; решающей оказывается «витальная детерминанта», проявляющаяся в том, что «знание, каким бы фрагментарным и случайным оно ни казалось, всегда предстает как в той или иной степени замкнутая и удовлетворяющая связь»; оправдание этого единства логики и фактического содержания «комплексов знания» заключается в «суверенной» жизненной ситуации [7: 43]. Различение фактографии и ее литературной обработки в используемом для анализа исландских социальных общностей тексте не требует строгого разграничения, поскольку ментально окрашенные нарративы репрезентируют факты художественного пространства, не искажающие действительность исторического контекста биографии.

Эмпирический материал весьма своеобразен и достаточно репрезентативен. «Сага о Греттире» записана в начале XIV века; исследователям известны четыре пергамента (артефакты музейной ценности), датируемые веком позже; вполне динамичное повествование охватывает более столетия, от времени переселения в Исландию примерно в 900 году прославленного норвежского викинга Энунда Деревянной Ноги, разругавшегося с королем Харальдом Прекрасноволосым, до смерти в 1031 году уже его строптивого правнука Греттира, сына зажиточного и уважаемого Асмунда, дважды объявленного тингом вне закона и прожившего с этим сомнительным правовым статусом, отбиваясь от всех своих кровных врагов, почти двадцать лет (см. обзор современных исследований: [25]).

Основное содержание. Героические нарративы исландской реальности

Социальная общность, согласно Г. Зиммелю, является непосредственной «априорной основой» всякого нормотворчества, мерой правильности или же, напротив, ошибочности представлений и действий индивидуума, который сможет достигнуть своих жизненных целей лишь присоединившись к общности и при ее коллективном содействии; изоляция от общности означает утрату «самостоятельных ценностей»; отношения солидарности основываются на индивидуальных действиях, однако сама природа «упорядочивания» и «обобществления» такова, что не позволяет каждому отдельному человеку ограничиваться в своей жизнедеятельности только личным интересом; к удовлетворению своих потребностей человек стремится обязательно в союзе с другими. «Поток жизненного единства» устанавливает «тональность» социального общения, предпосылкой служит определенная психологическая «структура представления» о другом человеке; «чистую индивидуальность» весьма трудно вычленишь, «определенность личности являет себя часто только как специфическое различие, в котором предстает это общее» [7: 62-63]. Таково диалектическое единство общего и частного («единичного» в социально-философском и в социологическом уточнении).

Классическая социология различает общинный («социально-органический») и общественный («социально-атомистический») типы связей. Социальные общности в первом случае характеризуются слитной цельностью и внутренним единением консолидированных «единичных индивидов»; редко кто из них при особых обстоятельствах может попытаться оборвать «пуповину, связующую его с племенем или с общностью»; во втором случае мы имеем дело с трансформирующимися, модернизированными социальными общностями, где индивиды разъединены, вступают только во внешние связи; «каждый обслуживает другого, чтобы обслужить самого себя; каждый взаимно пользуется другим как своим средством, каждый достигает своей цели лишь поскольку служит средством для другого и только будучи для себя самоцелью» [11: 190]. Традиция, согласно К. Марксу, на этом переходном этапе общественного развития (от традиционного общества закрытого типа к открытому) еще воспринимается неким абсолютным законом; дисциплина, порядок и добросовестность образуют «жизненный императив» [12: 350]. Исключительное значение «элемента коллективизма» особо отмечал также К. Поппер [14: 34]. Исландские социальные общности «*времени саг*» законсервированы на историческом распутье между прошлым и настоящим.

Интерпретация социальной общности в современной западной социологии учитывает географический и социокультурный факторы; всякая «институциональная» система имеет тенденцию к самосохранению, социальный порядок во многом зависит от регулирующих поведение индивида «ориентаций» (альтруизм, эгоизм); «чувство единства» в составе определенной группы обусловлено системой «ролей и статусов»; определенное значение в человеческой деятельности имеют разного рода «аффекты», что дает основание рассматривать общество «символической интеракцией» [29: 62-66, 84-92]; [30], [26].

Вообще «референция» общества как совокупности различных функциональных систем, рассматриваемой в ракурсе аналитической философии, оказывается серьезной проблемой, понятие смысла может отличаться от предметного значения, содержащего минимум два содержательных компонента [19: 232-233], многообразие «общественных операций», их конституирующих, предполагает множественность «дескрипций» свойств и характеристик, присущих исследуемому объекту. Идентичность порождается социокультурной коммуникацией – межличностной и общественной, «воспроизводство коммуникаций» является важнейшей функцией; этим не снимается вопрос о «первоначалах» интересующих нас социальных общностей и социальной природе человека: парадокс в том, что необходимость для общества конкретного человека ничем не подтверждается [9: 10]. Еще одна проблема теоретического осмысления сути рассматриваемого вопроса – контрверза между экономической (политэкономической) и культурной (духовной) детерминациями общества.

Совпадение общего и частного (не характерное для современного человека) в исландском образе жизни – рудимент архаичной культурной традиции (сюжетное пространство «*саг об исландцах*» автономно от мифологического «субстрата», однако влияние сказочных мотивов «Эдды» заметно), личность иначе, нежели в эпосе, взаимодействует с группой, состоящей из неопределенного количества индивидуумов, у которых «индивидуально только имя» [18: 58, 81]; [4: 20]. Но что-то уже сдвинулось со своего привычного места.

Перманентный распад общины (то есть «дифференциация группы») зафиксирован в саге упоминанием того, как запросто занимают землю очередные переселенцы (непосредственно из Норвегии и с успешно колонизированных Гебридских Островов), всякий новый хутор образуется «почкованием» от уже существующих, принадлежащих гостеприимным родичам, партнерам по торговым и разбойным делам (многие «промышляли здесь и там, не останавливаясь перед насилием»);

начальным капиталом, помимо необходимого инвентаря для обустройства, становятся дочери на выданье из известных семейств, крепких хозяйств. Топонимы отражают произошедшие изменения в традиционной структуре общества. Сообщается, что отец Греттира – уважаемый бонд – в благодарность за помощь в судебных делах покровительствует некоему Торвальду, который вскоре сделался «большим человеком», и купил землю выросшему в его доме силачу Торгильсу (очевидно, выполнявшему функции телохранителя хозяина), который с его помощью и занятием китобойным промыслом «нажил большое хозяйство». Судя по описываемым событиям (бесконечные распри, вопиющие нарушения старинных законов отдельными представителями богатеющей верхушки общества, спровоцированные ими преступления борцов за справедливость), уже в «дедовские» времена «органическое единство» общины в реальности размывалось. Пассионарные силы социума (специфического – «поехавшие с домочадцами» в Исландию все как на подбор безбожники, неуживчивые храбрецы и прагматичные искатели счастья и славы) становились все более деструктивными.

Вот одна из таких историй с непосредственным участием легендарного прадеда нашего героя. Ввиду скоропостижной кончины некоего переселенца и отсутствия законного наследника (его сын «за морем») один из важных «мужей», человек алчный и кичащийся близостью «сильным мира сего», прикрываясь авторитетом конунга, который «вправе распоряжаться наследством всех иноземцев», притязает на чужое имущество. Обиженные незаконным решением обнаглевших богачей бедные родственники обращаются за помощью к прославленному защитнику униженных и оскорбленных. Предпринятые Энундом действия выходят за правовое поле, мстителей совсем не интересует общественное мнение.

Летом у Грима наварили много пива, потому что ожидали в гости Аудуна ярла. Проведав об этом, Энунд и сыновья Эндотта отправились к Гримову двору и, застигнув его врасплох, подожгли дома... Они захватили там много всякого добра. Энунд скрылся в лесу, а братья взяли лодку Ингьяльда, своего воспитателя, отойдя на ней от хутора, притаились неподалеку. Аудун ярл явился, как было условлено, на пир, но не нашел своего друга. Он созвал народ, но так и не напал на след Энунда и его товарищей [17: 11-12].

Далее события разворачиваются в духе «войны всех против всех». Одни без колебаний нападают на ярла, взломав дверь в жилище, где он укрылся с двумя слугами, нападающие под угрозой оружия требуют виры за давным-давно убитого отца. Ограбленный ярл вымаливает себе жизнь (отныне уничижительное его прозвание – Аудун Заяц). Другие поначалу соблюдают нейтралитет, но затем решают вмешаться.

Когда бонды и местные жители заметили, что творится неладное, все выбежали на помощь ярлу. Произошла жестокая стычка, ибо у Энунда было много людей. В этой стычке пало множество добрых бондов и дружинников ярла [17: 12].

Энунд умудряется выступить арбитром имущественного спора, перешедшего в вооруженное противостояние; вердикт его любопытен: «какая-никакая, а все же месть» будет справедливым наказанием для конунга Харальда, от которого, как выясняется, столько «натерпелись» простые люди.

Основой всякой индивидуальной жизни как таковой является, согласно Г. Зиммелю, не столько сама индивидуальность, обладающая «неповторимой природой» и безграничными возможностями развития (потенциальное «Я» становится реальным в единственно определенной исторической среде), сколько безграничная эмпирическая случайность («только в ней бытие может стать определенной и ею модифицированной жизнью»), отчетливо обозначающая то, к чему мы предназначены; факторы «чисто случайной игры» зачастую перевешивают значимость предустановленной гармонии мира, порождают в нас опасное чувство неиспользованных сил, непонимание смысла связей событий и лиц, разрушительную рефлексию по поводу невыполненных требований («неразрешимых узлов судьбы») [7: 92-93]. Вот подходящая иллюстрация:

Греттир, сын Асмунда, приплыл в то лето в Исландию. Он был тогда так знаменит своей силой, что считали, второго такого нет среди молодежи. Он сразу поехал домой, в Скалу, и Асмунд принял его как должно. Хозяйством заправлял тогда Атли. Братья хорошо сошлись друг с другом. Греттир тогда так возгордился, что считал – все ему по плечу [17: 50].

Обратим внимание, что уже в начале повествования акцентированы будущие серьезные жизненные ошибки заглавного героя саги.

Сага фиксирует бессмысленность спровоцированных Греттиром конфликтов.

К тому времени возмужали те, кто подростками играл с Греттиром на Озере Среднего Фьорда, перед тем как ему уехать. Одним из них был Аудун, живший тогда на Аудуновом Дворе в Ивовой Долине. Он был сыном Асгейра, сына Аудуна, сына Асгейра Буйная Голова. Аудун был хороший хозяин и человек справедливый. Он был сильнее всех там, на севере, и слыл притом за самого покладистого. И вот Греттиру припомнилось, что Аудун будто бы дурно обошелся с ним на играх в мяч, и он вздумал доказать, кто из них стал с тех пор сильнее. С этим на уме Греттир отправляется на Аудунов Двор. Дело было в начале сенокоса. Греттир нарядился во все лучшее и поехал в крашеном седле искусной работы. У него был добрый конь и оружие все самое лучшее. Греттир рано утром приехал на Аудунов Двор и постучался. Мало кто был дома... [17: 52].

«Дурость», стычку (между родственниками, да еще с применением оружия), затеянную по вине Греттира, решительно прерывает некий Барди (за которым могучие братья), судя по манерам и дорожной одежде (верхом, «видный собою, в красной рубахе, а на голове шлем») – человек непростой, с Греттиром после примирения дерущихся они обговаривают одно дело. Наш герой попрекает нового знакомого тем, что тот «вправе действовать по своему усмотрению», а не ссылаться на воспитателя (очевидно, опекуна молодого человека), сам-то он не ставит свои поездки в зависимость от других людей, Барди же куда более осмотрителен в выражениях и поведении.

В сущности, аффективное поведение лежит зачастую «по ту сторону сознательно ориентированного по смыслу действия», пояснял М. Вебер; оно может быть «прямой реакцией на достаточно необычный раздражитель», имеет место сознательная разрядка эмоционального состояния, по большей части («хотя и не всегда») это движение в сторону «целевой рациональности»; смысл состоит не в результате, а в «специфически ориентированном поведении» (удовлетворение потребности в мести, наслаждение унижением другого, безоглядная преданность, блаженство от переносимой боли), удивительно, но есть что-то общее между грубым и возвышенным характерами в этой ситуации [2: 84].

Не в эгоцентризме ли Греттира, не терпящего чужую заносчивость, причина его жизненных неудач, какие неумные «силы, дремлющие в глубинах человеческой природы», пробудились в нем? Ничего выдающегося за свою бестолково прожитую разбойничью жизнь он не совершил. Образцовая – по героическому отношению к смерти – кончина знаменитого воина есть результат вмешательства в его судьбу не только метафорических «свирепых чудовищ психической преисподней» [21: 27]. Странная для сурового реализма саги как жанрового феномена история с ожившим мертвецом Гламом, который снится ему теперь постоянно, приближает моралистический финал повествования; Глам (жертва случайности, не сказочная нечисть, несчастный член общины, которому больше всех не повезло) предсказал его героическую гибель. Индивидуальность вырывается из идентичности, но все еще всецело ей подчинена, потому всякая попытка освободиться от этой тотальности коллектива наказуема. Здесь мы находим лишь некоторую эмпирическую определенность личности как социального типа, «единичного» человека, осознающего свою принадлежность к «абсолютности общего» [7: 63].

«Эгоцентрическая субъективность» является частью личности, отмечал К. Юнг, эта проблема чрезвычайно сложна, устранить ее с помощью разумных доводов невозможно [27: 58]. Сильные натуры («их стоит назвать скорее слабыми») выбирают героический путь противостояния воображаемому или же вполне реальному «злу», решительно сопротивляются парадигме «коллективного бессознательного» («архетипически оформленным идеям»), готовы бросить вызов целому миру, но в конце концов вынуждены признать, что не в состоянии решить собственными силами некоторые жизненные проблемы [2: 28-29]. Личность – замкнутая система, в этом ее существенный недостаток; преодолению «болезненной узости» индивидуальности способствует не столько самопознание, сколько переживание в себе другого. В классической, гегелевской постановке вопроса (об онтологической природе определяющего «импульса жизненности») «мыслящий дух» наиболее продуктивен в том случае, если находится решительно за пределами всех возможных форм рефлексии [3: 250]. В концептуально усложненном современном варианте, неокантианской постановке вопроса (об «освобождении от предпосылок» в толковании мира) акцентируются чисто гносеологические основания; достоверность эмпирических результатов познания неприкосновенна [15: 21]. Социальная идентичность есть результат преодоления такой субъективности [28]. Жизнь – особая «комбинация и концентрация природных сил», определенным образом упорядочивающая силы отдельного активного индивида [8: 58].

Приведем еще одну историю – показательный пример высвобождения (неокончателного) индивида из имманентности кровных и социальных связей общины, это история влюбленных,

осмелившихся пойти наперекор всему.

Ехали они так, ехали, пока не достигли города Рима. И, явившись к тому, кто был поставлен исповедовать людей, они рассказали ему всю правду, как все у них было... Они покорно соглашались на любое наказание, какое он собирается на них наложить. И поскольку они сами пришли к решению искупить свой обман без всякого принуждения и насилия со стороны Церкви, на них наложили самое легкое наказание, какое только было возможно. И призвали их с любовью, чтобы они, вооружившись разумом, позаботились о своей душе и, заслужив отпущение грехов, жили праведной жизнью... [17: 146].

Заметим, что речь идет о родичах Греттира, принадлежащих уже к следующему поколению. Судьба наших предков зависела во многом от того, что думали о них другие; одобрение или неодобрение группой – решающий фактор [10: 55].

Заселение Исландии вызывает любопытные параллели со становлением древнегреческого полиса – показательного примера революционного перехода от архаичной социальной модели к модернизированной: пространственное восприятие политического устройства «федерации» хуторов, бурный прирост активного населения, напряжение внутри правящего класса, колонизация как попытка разрешить назревающий кризис; выносящиеся сообща решения, специализированные общественные функции «лучших мужей», самосознание «пассионариев». Что подтверждает типологический характер выводов.

В вопросе о социальной динамике, противоположной социальной статике, К. Поппер подчеркивал важность «элемента коллективизма», исключительное значение «некоторой» группы или коллектива, без которых индивид – ничто [14: 34, 41]. Соотношение индивидуального и коллективного в современной социологической теории атрибутируется как «проблема порядка» [23]; порядок на макроуровне континуума складывается извне и порождается общественными явлениями, на микроуровне упорядоченность (вообще-то индивидуалистическая по своей природе) возникает из «индивидуальных договоренностей». Эпистемологическое различие обусловлено акцентированием диалектической взаимосвязи анализируемых структур и феноменов, либо противостоящего «принудительному» коллективному порядку «индивидуального волюнтаризма», то есть «нерациональной» произвольной деятельности [16: 422-423]; [24: 41-42]; [13: 237-238].

Непрерывный процесс «конструирования» индивидуальности Э. Гуссерль описывал следующим образом: с каждым исходящим из «центрирующего Я» актом суждения (принимаемого решения относительно некоторого бытия) или же любого действия (волевого решения в соответствии с убеждениями и по привычке) образуется не только очередной предметный смысл постигаемых феноменов действительного мира, но также кристаллизуется «для меня значимое», при этом не прерывается связь индивидуума с социумом – благодаря сохраняющейся «совокупности привычных ориентаций» [5: 50]. Изменения модусов «активных позиций» при этом могут принимать негативную форму; наглядным примером тому можно рассматривать зафиксированное объективным и беспристрастным рассказчиком вызывающее асоциальное поведение скандалиста Греттира.

Что касается национальной идентичности (оставим за рамками исследования более поздние эпохи повышенного политического внимания к данной теме), то это противоречивый социальный феномен, основными «дескрипциями» которого являются «реальность неустойчивости его существования и отрицание этой реальности»; для правильной оценки всякой идентичности необходимо воспринимающееся необратимым, «запечатленное в камне» прошлое; это «центральный элемент» в социализации, в поддержании внутригрупповой солидарности, в утверждении и смене социальных норм [1: 83, 93]. Неустойчивость идентичности – сущностное свойство постоянно меняющегося реального социального мира; «выбитое на камне» может на каком-то этапе исторического развития утратить свою значимость. Исландские социальные общности «*времени саг*» формировали подвижную идентичность (промежуточную между архаикой родового общества и современностью национального государства), в которой индивид с разветвленными родовыми связями оставался крайне необходимой единицей в построении всех конструкторов социального и этнического характера.

Заключение

Итак, общество – всеохватывающая социальная система, сущностное содержание которой раскрывается посредством логической процедуры строгого отграничения от всего внешнего, дифференциации и сопоставления с природной системой окружающего мира [22]. Значение познаваемых содержаний «жизненных рядов» позволяет рассматривать такие аксиологические конструкторы (на основе определенных ментальных концептов) самостоятельными ценностями,

заряженными «витальной» энергетикой [8: 47]. Следовательно, единство общества не может быть сведено к чему-то существенному и на данный исторический момент существующему, любые противоречащие истолкования отклоняются как заблуждения, между тем они отображают особенности трансформации важнейших элементов социальной системы – воспроизводящихся дифференцирующих операций [9: 94]. Социологические «априорности» двойственны: с одной стороны, они более или менее полно определяют действительные «обобществления» (например, производство из индивидов общественного единства), с другой стороны, их истинность обусловлена логическими предпосылками воображаемого общества; в реальности процессы социализации – конкретные процессы в индивидуальном сознании преимущественно; взаимосвязь между какой-либо индивидуальностью и данной исторической средой вполне случайна [7: 92].

Вместе с тем чувство собственной истинности, сопричастности миру и своей социальной общности побуждает индивида к самостоятельному и полноценному решению определенных жизненных задач на каждом меняющемся расклад действующих сил историческом этапе развития того или иного общества. Осознание целостности идентичности, к которой принадлежит человек (в трактовке Э. Эриксона понятием идентичности обозначена совсем не та «тождественность», которой в отечественном научном дискурсе описываются разнородные феномены социального и этно-конфессионального плана [20]), коррелируется бессознательным стремлением к независимости (на основе переоценки сохраняющейся значимости коллективных идеалов), солидарность с группой, сдерживающая и ограничивающая потенциал личности, заменяется на более эгоистическую модель социального поведения.

На примере судьбы героя известной саги мы воочию видим последствия тектонических изменений в социальном ландшафте Исландии «*времени саг*»; новое далеко не всегда оказывается лучшим – по отношению к преодолеваемому «старому» (диалектика традиции – тема отдельного разговора).

Список литературы

1. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос, 2004. 288 с.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 1. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 445 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия религии. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 532 с.
4. Гуревич А. Я. Избранные труды. Норвежское общество. М.: Традиция, 2009. 470 с.
5. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический Проект, 2010. 229 с.
6. Дильтей В. Описательная психология. М.: РИПОЛ классик, 2018. 290 с.
7. Зиммель Г. Избранное: в 2 т. Т. 2: Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. 607 с.
8. Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии. М.; СПб.: Университетская книга, 2015. 416 с.
9. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. 232 с.
10. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2010. 794 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 46. Ч. 1. М.: Изд-во политической литературы, 1968. 318 с.
12. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1952. 796 с.
13. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997. 269 с.
14. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т.1. М.: Феникс, 1992. 448 с.
15. Риккерт Г. Философия жизни. Киев: Ника-Центр, 1998. 505 с.
16. Ритцер Д. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
17. Сага о Греттире. Пер. М. И. Стеблин-Каменского. М.: Наука, 1976. 178 с.
18. Стеблин-Каменский М. С. Миф. Л.: Наука, 1976. 104 с.
19. Фреге Г. Логика и логическая семантика. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.
20. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта; Прогресс, 2006. 352 с.
21. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2019. 496 с.
22. Allan K. The social lens: an invitation to social and sociological theory. Thousand Oaks: Pine Forge Press, 2006. 607 p.
23. Alexander J. C., Colomy P. B. (eds.) Differentiation theory and social change: comparative and historical perspectives. New York: Columbia University Press, 1990. 510 p.
24. Alexander J. C., Giesen B., Munch R. (eds.) The micro-macro link. Berkeley: University of California Press, 1987. 400 p.

25. Carol J. C., Lindow J. *Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide*. New York: Cornell University Press, 2019. 376 p.
26. Charon J. *Symbolic interactionism: an introduction, an interpretation, an integration*. New Jersey: Prentice Hall, 2001. 238 p.
27. Clark G. *Carl Jung and the evolutionary sciences. A new vision for analytical psychology*. New York: Routledge, 2025. 198 p.
28. Myers D. G. *How do we know ourselves? Curiosities and marvels of the human mind*. Farrar: Straus and Giroux, 2022. 272 p.
29. Renée C. F., Lidz V. M., Bershady H. J. (eds.). *After Parsons – a theory of social action for the 21st century*. New York: Russell Sage Foundation, 2005. 349 p.
30. Ritzer G., Stepnisky J. *Sociological theory*. New York: McGraw-Hill, 2014. 671 p.

References

- Allan K. *The social Lens: An Invitation to social and sociological Theory*. Thousand Oaks, 2006. 607 p.
- Alexander J. C., Colomy, P. B. (eds.). *Differentiation Theory and social Change: comparative and historical Perspectives*. New York, 1990. 510 p.
- Alexander J. C., Giesen, B., Munch R. (eds.). *The Micro-macro Link*. Berkeley, 1987. 400 p.
- Balibar E., Wallerstein I. *Race, Nation, Class: Ambiguous Identities*. Moscow, 2004. 288 p. (In Russ.)
- Carol J. C., Lindow J. *Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide*. New York, 2019. 376 p.
- Charon J. *Symbolic Interactionism: An Introduction, an Interpretation, an Integration*. New Jersey, 2001. 238 p.
- Clark G. *Carl Jung and the evolutionary Sciences. A new Vision for analytical Psychology*. New York, 2025. 198 p.
- Dilthey W. *The describes Psychology*. Moscow, 2018. 290 p. (In Russ.)
- Erikson E. *Identity and the Life Cycle*. Moscow, 2006. 352 p. (In Russ.)
- Frege G. *Logic and logical Semantic*. Moscow, 2000. 512 p. (in Russ.)
- Gurevich A. I. *Selected works. Norwegian society*. Moscow, 2009. 470 p. (In Russ.)
- Hegel G. W. F. *Philosophy of Religion. Vol. 1*. Moscow, 1975. 532 p. (In Russ.)
- Husserl E. *Cartesian Meditations*. Moscow, 2010. 229 p. (In Russ.)
- Jung K. G. *Archetypes and the collective Unconscious*. Moscow, 2019. 496 p. (In Russ.)
- Luhmann N. *Society as System*. Moscow, 2004. 232 p. (In Russ.)
- Marks K. *Capital. Vol. 1*. Moscow, 1952. 796 p. (In Russ.)
- Marks K., Engels F. *Collected Works. Vol. 46*. Moscow, 1968. 318 p. (In Russ.)
- Myers D. G. *Social Psychology*. St.-Petersburg, 2010. 794 p. (In Russ.)
- Myers, D. G. *How do We know Ourselves? Curiosities and Marvels of the Human Mind*. Farrar, 2022. 272 p.
- Parsons T. *The System of modern Societies*. Moscow, 1997. 269 p. (In Russ.)
- Popper K. R. *The open Society and its Enemies. Vol.1*. Moscow, 1992. 448 p. (In Russ.)
- Renée C. F., Lidz, V. M., Bershady, H. J. (eds.). *After Parsons – a Theory of social Action for the 21st Century*. New York, 2005. 349 p.
- Rickert H. *Philosophy of Life*. Kiev, 1998. 505 p. (In Russ.)
- Ritzer G. *Toward an integrated sociological Paradigm*. St.-Petersburg, 2002. 688 p. (In Russ.)
- Ritzer G., Stepnisky J. *Sociological Theory*. New York, 2014. 671 p.
- Simmel G. *Selected Works. Vol. 2*. Moscow, 1996. 607 p. (In Russ.)
- Simmel G. *Sociology*. Moscow, 2015. 416 p. (In Russ.)
- Steblin-Kamenskii M. I. (ed.). *Grettir's Saga*. Moscow, 1976. 178 p. (In Russ.)
- Steblin-Kamenskii M. S. *Myth*. Leningrad, 1976. 104 p. (In Russ.)
- Weber M. *Farming and Society. Essays on understanding Sociology. Vol.1*. Moscow, 2016. 445 p. (In Russ.)

INDIVIDUAL AND THEIR “FLUID” IDENTITY: ICELANDIC SOCIETY IN GRETTIR’S SAGA

MISYUROV
Nikolay

*PhD in Philosophy,
Professor of Department of Journalistic and Media
Linguistics,
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia Federation, misiurovnn@omsu.ru*

Keywords:

organic unity of society
single individual
fluid identity
heroic narrative

Summary:

The Icelandic society of the “time of the sagas” is a peculiar historical phenomenon, and the sociological studies of its uniqueness provide sufficient grounds for typological conclusions. The empirical material for the analysis is Grettir’s Saga, a literary monument that records certain changes in the traditional social structure of the “federation of farms” during the era of Iceland’s settlement (linked to the adoption of Christianity in Norway and the ousting of “passionary” individuals and professional groups adhering to the “tradition” outside the boundaries of the emerging unitary nation-state). Both theoretically and practically, the analysis of the pronounced individuality accentuated in the heroic narrative of the biography of the famous obstinate “fighter”, a nonconformist who ended his life as an outcast, is productive in the context of the interaction between the individual and society. It is argued that the “reference” of the social structure with different types of connections (communal and “corporate” communities affected by property stratification, Viking communities, whalers, and merchants) depends not so much on the method of “representing” facts and events, interpreted either objectively or subjectively, but on the choice of effective “descriptions”, with the methodological aspect being of paramount importance. It is also stated that the coexistence of preserved archaic elements with elements of the modernized “new reality” resulted in a distinctive “fluid” identity, both ethnically and socially. The study concludes that this evolution of Icelandic social communities entailed a permanent and inevitable “essential” shift in the basic principle of “collectivism” (from solidarity to competition), and the decisive factor behind this transformation was the individual’s life potential. From this perspective, the conceptualized fate of an individual becomes a projection of the fate of the people.